

ОТТИСКИ
ИЗЪ ХАРЬКОВСКАГО
СБОРНИКА.

В. В. Ивановъ.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

въ Харьковской губернії.

Издание Харьковского Губернского Статистического Комитета.

Цѣна 10 коп.

ХАРЬКОВЪ.

В. В. Ивановъ.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

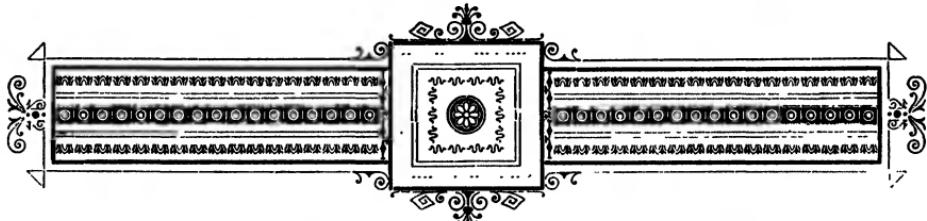
въ Харьковской губерніи.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 16.

Отдѣльные оттиски изъ Харьковскаго Сборника за 1893 г.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ГУВЕРНИИ.

Гл. 1.

Взглядъ крестьянъ на свою жизнь.

Возрастъ, национальность, сословность.—„Жупаныки“, „лукачи“, „мужыки“ и „голь“.—Работа и праздники.—Богатство и его значеніе.—Ремесленники.

На вопросъ: «сколько лѣтъ сыну?»—крестьяне обыкновенно отвѣчаютъ: «та уже пастушокъ,—погонычъ,—робитнычокъ,—ко-сарь». Возрасту соотвѣтствуетъ извѣстное занятіе, занятіемъ и обозначается возрастъ.

Отказывая принять взрослаго мальчика «въ науку», кузнецы говорятъ: «намъ треба не годы, а ростъ, сила». Занятіе требуетъ извѣстныхъ физическихъ данныхъ, данными этими и выражается годность къ тому или другому занятію.

На замѣчаніе: «отчего бѣднякъ чернорабочій, имѣя надѣль, не занимается «хліборобствомъ» или не отдаетъ дѣтей своихъ «въ ремесло»?—слышится: «для мужыцства нужна справа, для ру-комесла—время, а за подушне гонять, йісты треба,—треба й за-роблять». Каждое занятіе требуетъ извѣстныхъ средствъ; экономическою состоятельностью и опредѣляется возможность даннаго занятія.

«Дукачъ скорішь здохне, а сына въ ремесныки не віддастъ», говоритъ кустарь, опрашиваемый о родителяхъ его учениковъ. Каждый слой крестьянства имѣетъ свои занятія, занятіемъ и вы-

ражается принадлежность къ тому или другому слою. «Панскіе (крестьяне изъ малороссовъ) къ государственнымъ (ремесленникамъ) носятъ (заказы), а къ русскимъ приходятъ свои (ремесленники): прійдутъ, обчинятъ, обошлютъ все, какъ слѣдуетъ, и уходять. А у нашихъ все свои... Вотъ и большая слобода, да захолустная, проѣзду нѣтъ—и промысловъ нѣтъ, а у насъ дорога большая, торговля бойкая и—

„Де дворъ,—тамъ и воръ,
А де нема,—тамъ винъ найма“,—

выразительно замѣчаетъ малороссъ изъ «жупаннныківъ» на вопросъ о состояніи промысловъ и причинахъ развитія ихъ въ данномъ селеніи. Правовыя и національные особенности и общія основы жизни населенія обусловливаютъ существование и формы кустарничества; характеру народа, его положенію и отвѣчаетъ развитіе промысловъ.

«Хиба воны выробылъсь?—разсуждаетъ крестьянинъ, сравнивая прежнее поколѣніе съ нынѣшнимъ. «Сейчасъ чого воно таке мале?—Зъ малу пійшло въ работу,—зачучвирило. За плугомъ ходе, а ёго изъ-за чепыгъ не видно. А це хиба косари! Колысь таки безъ штанівъ ходылы, не зналы якъ косця зваты, а теперь уже и косу уміе клепаты». И дѣйствительно. Только до 5 лѣтъ дѣти—«кашныки», «кукиль», «роты», съ 5 до 10 лѣтъ они уже пасутъ гусей, свиней, овецъ, загоняютъ скотину. Занятіе ихъ—не профессія, название имъ общее—«пастушокъ», для дѣвочекъ еще «нянька». Впослѣдствіи изъ пастушка можетъ выйти «свынарь», гоняющій «черидку» (свиней), «вивчарь», выпасывающій «ватагу» (овецъ), «чередныкъ», пасущій «череду» (скотъ,—«товаръ»). Занятіе дѣтей—дань возраста и пасутъ они обыкновенно «свое». Съ 8 лѣтъ до 14 мальчикъ ходитъ «погонычемъ» въ полѣ; съ 12 до 18 лѣтъ онъ уже работничекъ—«плугатырь», «молотныкъ»; съ 16 до 50 лѣтъ—«косарь», полный работникъ, съ 50-ти лѣтъ—«пасишиныкъ», «сторожъ», а тамъ «дідъ», «нахлібникъ», опять «ротъ». Прежде «косарь» былъ до 70 лѣтъ, народъ работалъ дольше, такъ какъ работалъ меньше. Рабочій періодъ не уменьшается, но перемѣщается нуждою на болѣе ранній возрастъ. Народъ слабѣетъ, и этотъ физической упадокъ особенно замѣтенъ на первенцахъ, трудъ которыхъ нужнѣе для семьи. Отношеніе «гулячого» періода жизни къ «рабочому» измѣняется, разница уничтожается, всѣ возрасты дѣлаются «рабочими».

Подобное «уравниваніе» замѣчается и въ разныхъ сферахъ народной жизни. Въ одной сферѣ сближеніе совершается быстрѣ, въ другой медленнѣе. Традиціонная вражда, напр., между «хохлами» и «москалями», коренное различіе ихъ бытовыхъ устоевъ начинаютъ смягчаться. Эти «совсѣмъ разные народы», столько лѣтъ живущіе бокъ-о-бокъ за своими, «національными стѣнами», начинаютъ «переглядываться», оказывать обоядное вліяніе. Уравниваетъ ихъ и общее теченіе помимо ихъ воли. «Крутая» рѣчъ хохла дѣлается предметомъ насмѣшки со стороны хохловъ—«жупаныківъ». «Русскіе» начинаютъ употреблять хохлацкія выраженія, вводить въ свою рѣчъ хохлацкія слова. Представители разныхъ національностей еще мало «берутся»: хохолъ не женится на московкѣ, такъ какъ она «кислая», но русскіе, особенно изъ богатыхъ, уже берутъ хохлушки. Прежніе кочевники-промышленники изъ русскихъ осѣдаютъ въ хохлацкихъ селеніяхъ и принимаются въ общество, прежніе отщепенцы-сосѣди изъ русскихъ, среди которыхъ вообще слабо развиты промыслы въ Харьковской губ., прибѣгаютъ къ услугамъ хохлацкихъ ремесленниковъ. Обычай не пересаживаются, но характерные обычай временемъ разлагаются; костюмы не перенимаются, но національная одежда, сильно мѣшавшая сліянію,—эти «плахты», «запаски», эти «сарафаны», «юпки»—исчезаютъ подъ напоромъ болѣе дешеваго фабричного ситца. «Русскій» устойчивѣе хохла: «москаля хоть въ росолі вары, все винъ...—москаль». Но у мѣстныхъ «москалей» замѣчается уже «выщелачиваніе» національныхъ особенностей. Вырабатывается нѣчто нейтральное, общее.

Не менѣе враждебными «мірами» были помѣщики и государственные крестьяне. Вѣчнаяссора, насмѣшки, ругань сопровождали ихъ отношенія. Общенія почти не было. По развитію, взглядамъ, особенностямъ, по своимъ бытовымъ и экономическимъ устоямъ, они отличались не менѣе, чѣмъ представители разныхъ національностей. «Вольные» смотрѣли на «панскихъ», какъ на людей дикихъ, оголенныхъ, поголовныхъ воровъ и грабителей. Истощенные много-дневной «панщиной», крѣпостные дѣйствительно совершали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлые набѣги на вольные хутора, опустошали ихъ баѣши, огороды, воровали въ полѣ, изъ хатъ, на базарахъ, изъ лавокъ государственныхъ крестьянъ. Хвастаясь своими подвигами, они имѣли сильную защиту со стороны своего «пана», хотя и жестоко преслѣдовавшаго воровство дома. «Рогы»,—какъ дразнили вольные панскихъ за ихъ привычку ню-

хать изъ рожка свой домашній курительный табакъ перетертый съ золою,—находились въ постоянной враждѣ съ «люльками»,—какъ обмѣнивались панскіе съ вольными «куріями». Теперь вражда уничтожилась и завязались добрыя отношенія; слаживаются приемы, обычай, замѣчается во многомъ полное тождество. Обнаруживается явное подражаніе государственнымъ крестьянамъ, играющимъ вообще роль просвѣтителей.

Правовая грань рухнула, національныя «стѣны» разбираются, но съ этимъ процессомъ уравниванія замѣчается другое движение, процессъ противоположнаго характера. Являются новыя особенности, возникаютъ новыя различія. «Міры» сближаются, но увеличивается пропасть, раздѣляющая «классы». Центръ тяжести перемѣщается. Национальная и правовая сила уступаетъ силѣ экономической. Нити, соединявшія людей общей племенной группы, разрываются подъ давленіемъ новой разобщающей силы, а «мода», удовлетворяя назрѣвшимъ потребностямъ, отмѣчаетъ новую кристаллизацію населенія по «духу» и состоянію.

Въ современной деревнѣ замѣчается мало солидарности, мало общихъ интересовъ и наблюдается много фактовъ, выражавшихъ борьбу. Постоянно слышится: «И ты, бісівъ сынъ, чортівъ голякъ, рівняйся до мене! Я тебе куплю и продамъ. У тебе одна душа при тілі, кішки нема въ хаті, а я хозяинъ».—«Да чорты твого батька беры! Я хоть и бідный, да чесный. Ты мене своимъ богатствомъ не годуешь, а самъ не найісь николы, зъ другихъ дерешь. Воно тобі выпадкомъ выпаде коли небудь. Пропадешь ты, и все твое богатство згине, або пожаромъ підниметца: бо ще бога за бороду не взявъ. Э,—знайте его, шо винъ богатый! Не бушуй же, не бушуй, гордію,—бо якъ здавлю такъ напляшесь».

Интересно посмотретьъ на народную жизнь глазами самого народа, прислушаться къ его взглядамъ, выслушать его собственное мнѣніе о своей жизни. Далеко не однородною массою представится тогда наше крестьянство. Свообразные классы съ разными взглядами, обычаями и интересами замѣчаются среди этого съ виду однороднаго люда.

Въ промысловомъ, напр., селеніи государственныхъ крестьянъ, по мнѣнію самыхъ крестьянъ, существуетъ четыре опредѣлившихся класса: «жуpanыки», «дукачи», «мужыки» и «голь». Народ-

ныя названія эти еще не ясны; признаки классификаціи населенія оказываются различными, такъ какъ одни названія указываютъ на вѣнчаній видъ, другія на занятіе или состоятельность. Названія не настолько общи, чтобы охватить всѣхъ, принадлежащихъ къ данному классу,—ремесленники стоятъ какъ бы вѣнчаній классовъ или всѣ они могутъ быть причислены къ первому, такъ какъ ходятъ большою частью въ «панскій одежі». Но этими названіями мѣтко обозначается общій духъ каждого класса. Чѣмъ выше слой, тѣмъ яснѣе проглядываетъ стремленіе его выдѣлиться, вѣнчаниемъ видомъ показать свое обособленіе, рѣзче обозначить «линию»; чѣмъ ниже классъ, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ экономическая его основа, тѣмъ не замѣтнѣе «грань» его. Названіями этими ясно отмѣчается общественно-психологическая идея каждого класса.

Во главѣ крестьянской жизни стоятъ люди, занятые «торговымъ промысломъ». Это—«купцы», платящіе «госцеве»; «торговцы», торгующіе «крамомъ», «шинкомъ», «товаромъ шевскимъ», «бакаліей»; «дворныки», т. е. содержатели постоянныхъ дворовъ. Лица эти занимаются еще «отарами» (овецъ), «туртамы» (скота), «сыпкою» (хлѣба), арендами и бакшами въ большихъ размѣрахъ. Обыкновенно они наиболѣе богаты, хотя не всѣ. Рядомъ съ такимъ, который «на 100 тысячъ не голоденъ», живетъ и «пузыры»; «дворныки», жившіе нѣкогда какъ помѣщики, теперь совсѣмъ обѣднѣли, разбрелись по сторонамъ, перешли большою частью въ другіе классы или занялись другими промыслами. Представители этого класса носятъ сюртуки, картузы, пальто, шубы, крытыя сукномъ; женщины ходятъ въ ситцахъ, шелковыхъ платкахъ, дѣвушки носятъ платья по городскимъ фасонамъ, поютъ романсы. Рѣчь ихъ чистая, во взаимныхъ отношеніяхъ они на «вы», дѣти подходятъ къ ручкѣ родителей, и это обыкновеніе «бить ручку» переходитъ въ другіе слои. Они грамотны, интересуются и слѣдятъ за событиями «внѣшней» жизни, їдятъ разныя «блюда», хорошо приготовленныя, живутъ въ домахъ каменныхъ, иногда двухъэтажныхъ, крытыхъ желѣзомъ, о нѣсколькихъ комнатахъ съ разною мебелью. Встрѣчаются, конечно, въ этомъ классѣ лица, еще сохранившія народную рѣчь или, вѣрнѣе, говорящія на двухъ нарѣчіяхъ—«панскомъ» и «мужыцкомъ», употребляющія простую пищу, живущія въ «хатахъ».

Большую противоположность во многихъ отношеніяхъ представляеть второй классъ. Если первый является представителемъ

городской культуры, миссіонируя въ качествѣ моста, соединяющаго городъ съ деревней, то «дукачи» являются представителями старого хозяйственнаго типа. Живя большими семьями, они, говоря вообще, все имѣютъ свое, все сами для себя изготавляютъ. Занятіе «дукачей» одно—«коло хліба». Живутъ они особняками, сохраняя «старовину». Носятъ все мужицкое, но лучшаго качества; «жінки» ихъ, однако, одѣваются также какъ и «супруги» торговцевъ первого класса, отличаясь простотою покроя своего платья, и носятъ на шеяхъ рублей на 50 и больше червонцевъ, дукатовъ, намыста. О пищѣ они не заботятся: «ключья и вовна,—абы кишкя повна», «аже не покращаешь, якъ зъисы лучше». Пища у нихъ «зельцемъ пахне, перцемъ посваритца», каша «хозяйська, а не прикащицька: така крута, шо зерно зерна догоняє». Живутъ они трезво; чай у нихъ—«мерзена забава: тілько время гаять»; сѣрники они держать, но освѣщаются каганцемъ, добывая огонь изъ кремя на губку изъ старой тряпки, натертой въ золѣ изъ гречневой соломы. Отличаются скучностью, нѣкоторые собираютъ кости даже отъ чужой дохлой скотины; дома ходятъ не чисто: «попа й въ рогожі видно», «за канальскимъ «помагай Бігъ» днемъ шапку отрипавъ». Работаютъ много; отличаются деспотизмомъ, гордостью, сознаніемъ своего достоинства: «видно пана по походу; якъ и панъ ходе». Школу они не любятъ, къ грамотѣ относятся съ недовѣріемъ или прямо враждебно: «якъ-бы меньшъ знали, то далі (на дольше) бѣ сталы». У нихъ встрѣчаются иногда оригинальныя молитвы: «Око на небі, око на земли, буды мене грішнаго, буды мене праведнаго», а передъ обѣдомъ говорятъ: «О мъя, о мъя, о мъя—гречана, вивсяна, просяна,—всяка пашныця для скотины. Будьте здоровы, съ пятницей, давайте снидать».—Междуду «дукачами», конечно, бываютъ разновидности и въ настоящее время довольно большія, но, представляя нѣкоторые переходы къ третьему классу, рѣдко къ первому, они остаются вѣрными своимъ традиціямъ.

Про третій классъ можно сказать, что здѣсь «всяко буває». Встрѣчаются и богатые, которые «химеры наводятъ», и бѣдные, подходящіе къ классу настоящей «убіжди», и исключительно «хліборобы», убѣжденные, что «мужыкъ мужыкомъ во віки вікомъ», и лица, бросающіяся «на всі штуки», и полные индифферентисты, говорящіе: «Богъ создавъ мыръ, Богъ зъ нымъ», и люди, подъ вліяніемъ которыхъ совершались крупныя перемѣны въ мѣстной жизни. Трудно представить себѣ занятіе, которымъ не занимался бы середнякъ. Кромѣ «хліборобовъ», встрѣчаются здѣсь

всевозможные «рукомесныки»: «шевци», занимаючіся шитьемъ обуви, «кравци»—шитьемъ платя, «чымбари»—дубленiemъ кожъ, «кушнари»—чиньбою овчинъ, «ковали»—кузничествомъ, «шапувалы»—выдѣлкою полстей, «вібойщицы»—набойкою холста, «лымарі» или «шворныки»—шитьемъ сбруи, «скляри»—изготовлениемъ рамъ, «крыльщицы»—кровлею хатъ, ткачи, «колісныки», телѣжники, плотники, бондари, столяры, «скрыныки», веревочники, шапошники, свитники, «олійныки», «серебляныки». Тутъ занимаючіся разными промыслами и «торгивствомъ»: «різныки», «крамари»; шинкари, бакшари, «вугельщицы» и всевозможные барышники: «рыбасы», «соляныки», «скотари», «куритныки», «прасолующіе» землею, «кулаки» («кагака»), т. е. барышующе хлѣбомъ и проч. Одни говорять: «весна—рідна сестра, святе літо—рідна маты, осень—мачуха, зима—батрачка», а «хто літомъ не робывъ, той зимою штаны загубывъ»; «прійшло літо,—вздыхаютъ другie,—померла наша шевска или красавецька маты, настала осінь,—радуются одни,—ожила наша красавецька-шевска маты». Разныя занятія и разные, повидимому, интересы. «Хліборобы» подсмѣиваются надъ «ремесныками»: «де не взявшись преудалый молодецъ, да къ тому-жъ и краветь—заступомъ свыту скроивъ, до подушки коміръ прышывъ», «колесникъ—дурный ремесникъ: вертыть, довба, та впять и забыва», дразнятъ ихъ «сиднями», «шевелами», «цвентухами», «пальшкурками», «габелками», «турецей»; вмѣстѣ съ ремесленниками смѣются надъ барышниками, называя ихъ «крутыхвостами», «курощупами», «білымы цыганамы», «базарнымы собакамы». Надъ «чернымъ мужикомъ», неразвязнымъ съ «крутою» рѣчью, въ историческихъ «чуботахъ», ремесленники въ свою очередь подсмѣиваются, называя ихъ «мугириями», «мугириками», «мурмулямы», «мурмулякамы», дразнятъ ихъ: «мурмулю ту-лю-лю, старшій братъ капралю,—сякий, такій, перетакій». Существуетъ масса рассказовъ, гдѣ осмѣивается «мугирика», традиціонно сохранившій завѣтъ старинныхъ взглядовъ и отношений, рассказовъ, разсчитанныхъ на рисовку, хвастовство культурными привычками и понятіями. «Входе мугири въ лавку и каже: «продай паноче сахмарю». Винъ давъ свічокъ півъ-фунта. Иде мужикъ и ѹість, а солдатъ встрівсь и каже: чи «ловко»?—«Ловко то ловко да по середыни верёвка». Бачъ, гнітъ міша, а то иде плавко». И т. п. Разныя занятія даютъ болѣе или менѣе разныі заработокъ. У коваля—«стукъ-грякъ и пятакъ», у «шевыця», особенно занимающагося чиньбой кожъ, дратва

поетъ: «сытъ и пьянъ, сыръ и пьянъ», у «кравця», живущаго однимъ портняжествомъ, игла съ ниткой плачутъ: «чуть-живъ, чуть-живъ». Ремесленники въ общемъ отличаются отъ земледѣльцевъ своимъ истощеннымъ видомъ, «панскимъ» костюмомъ, лучшей пищей, разговорнымъ языкомъ, взглядами, развитиемъ. Барышники отличаются отъ нихъ «нравомъ», общественными истинками. Но всѣхъ ихъ соединяетъ общее положеніе, всѣхъ ихъ связываютъ общіе интересы. Всѣ они середняки по своей зажиточности, всѣ они «хозяева-работники» и всѣ они такъ или иначе тяготѣютъ къ земледѣлію. «Барышники» въ тоже время и «хліборобы», «рукомесныки» тоже «ходятъ около хліба» или получаютъ «скипшину» отъ своего надѣла. Разныя отклоненія представляютъ собою незамѣтный переходъ въ другіе классы, и середнякъ служитъ материаломъ для расширенія всѣхъ классовъ, особенно послѣдняго, съ которымъ онъ совершенно сливается.— Отдельнымъ слоемъ, характернымъ и—кто знаетъ—весьма важнымъ быть можетъ въ будущемъ представляется особая категорія лицъ, уже отмѣченная насмѣшкой. Насмѣшка обыкновенно сопровождаетъ все новое, какимъ бы оно ни было грознымъ въ послѣствіи. Это «пыхики», гордые «скоробогатьки», мечущіеся «во всѣ стороны», рвущіе со всего, въ виду рубля все ставящіе на карту, изъ ничего выскакивающіе и въ «бездну» проваливающіеся. Являясь симптомомъ нового движения, они служатъ въ тоже время ферментомъ, усиливающимъ экономическое броженіе той категоріи «мужицтвующихъ», которая причастна «торгивству» и «барышству». Духъ же торговый охватилъ крестьянство и вызвалъ за послѣднее время массу мелочныхъ торговокъ.

Разнообразныя занятія встрѣчаются и среди крестьянской «убіжи», среди того класса, который нѣкогда вмѣстѣ съ частью середняковъ богатыми мужиками назывался «чернью», такъ какъ «бѣдности» такой прежде не чувствовалось, а теперь отдельно отъ нихъ называется «голью» и «батраками». Самый характеръ «бѣдности» измѣнился. Если третій классъ говоритъ о себѣ: «робы до поту, а не солено йіжъ»,—то этотъ классъ становится: «робышъ, робышъ и ни сзаду, ни спереду», «до поту робышъ, а босый ходышъ», «все літо хлібъ робы, а зимою зъ мішкомъ на базарь ходы», «сію та ору, а зъ базару хлібъ несусъ», «торгую, торгую, а смаку не чую», «шыню, шыню, а въ долгахъ по шыю», «нанявшись якъ продавсь, отслуживсь—выкупывсь». Здѣсь тотъ-же «мужикъ», только безъ «хозяйскаго» устоя, тотъ-же «швецъ»,

только «шкарбуны» латаючій; тутъ и «дровяныкъ», но продающій «хамло» и «крутыхвостъ», но въ качествѣ «купецького подлокотника». Существуютъ и специальная занятія этого класса. Это поденщики—«ципурники», «косари», «сокирники», «пыльщики» и отходящіе на заработокъ—«забродчики», «зaborяне», «гайдари», «линейцы». Отъ середняковъ «убіжъ» отличается ви-
домъ, образомъ жизни, душевнымъ настроениемъ. Ідягъ они плохо, пытаясь не рѣдко, какъ поденщики, въ теченіи цѣлаго «тыждня» однимъ хлѣбомъ, живутъ часто въ сырости и въ хо-
лодѣ, не зная никакихъ удобствъ и приспособленій, не имѣя въ
своихъ хатахъ ничего, кромѣ «осліна». Не удивительно, если
здѣсь говорятъ: «ходимъ пропьемъ, аже не прошоштуесся» и су-
ществуютъ лица, о которыхъ говорятъ: «винъ якъ запье, такъ и вор-
ота забье». Середнякъ «самоваръ пьетъ» ¹⁾, удерживается своимъ
«мужицкимъ» общественнымъ мнѣніемъ, останавливаясь передъ
упрекомъ: «луче пропиты, чимъ дегтию купиты»; онъ такъ или
иначе сътъ, ежедневно єстъ горячее, воодушевленно работаетъ.
А у «голи» одно утѣшеніе: «заробышъ кревно, пропьешь певно,—
никому ни въижку». Нечего удивляться, если рядомъ съ пол-
ной апатіей здѣсь существуютъ затаенная злоба и непримиримая
ненависть, хотя «убіжъ» и не вмѣшивается въ «общество», помня
басню о синицахъ, поспорившихъ съ орломъ ²⁾). Разновидность
этого класса составляетъ переходъ отъ абсолютного нищенства
къ относительному достатку середняковъ, отъ «мужиковъ», за-
нимающихъся, кромѣ хлѣборобства, ремесломъ или торговлею, къ
лицамъ, не имѣющимъ «въ рукахъ» ни земли, ни ремесла. Этотъ
классъ составляютъ главнымъ образомъ «мішане»—одно мішокъ
на базаръ тягне». Земля сдается ими «съ копы», за деньги или
просто за подати, отъ «безнадежныхъ» и главнымъ образомъ отъ
вдовъ она отбирается въ общество; «николаевскіе» лишь въ нѣ-
которыхъ обществахъ имѣютъ надѣлы, такъ какъ во время ре-
визіи были на службѣ. Общество имѣетъ безземельныхъ, «при-
писанныхъ» изъ бывшихъ дворовыхъ и проч.

1) Крестьяне пьютъ чай съ цикоріей или „цвітъ“—материнку, шавлію, бук-
вицу, или просто горячую воду, забѣленную молокомъ. Крестьяне любятъ чай:

„Пье панъ—два, а то одынъ стаканъ,

Купецъ пье покы чай сопье,

Начавъ пить мужыкъ, выпье самоваръ, якъ бы не бувъ великъ“.

2) „Дві синиці вздумали съ орломъ сражатся: „ты шо одынъ,—одынъ, а нась
якъ два,—такъ два“. Орелъ одну схватыть и задавыть, а одна осталась и каже:
„ашо, ты такы шо одынъ, то одынъ, а нась шо два, то два“. Яка умна!“

Таковы слои крестьянства, таковы «классы» въ современной деревнѣ. Выдѣливъ по нѣсколько десятковъ семействъ на долю первого и втораго, остальная сотни почти равномѣрно распредѣляются между третьимъ и послѣднимъ классомъ.

Два признака лежать въ основѣ народной классификаціи крестьянства: работа и зажиточность. Первый классъ, по мнѣнію народа, составляютъ люди, которые «своими жыламы не тягнуть», лица, про которыхъ говорятъ: «на легкій хлѣбъ пійшли, а робыты не хотять», «цілый день хлопоче, а не робе». Взглядъ на этотъ классъ, какъ на людей не работающихъ, выражается въ насмѣшкахъ и браніи. Представителей этого класса въ запальчивости называютъ: «дуріями», «дурисвітами», «драками», «дерунами», «міройдами», «горланами», «глотарями», «ватухами». У нихъ «копійка не трудова». Остальные классы принадлежать къ трудящимся. Представители послѣдняго класса—это «чужie работники»: «челядники», «батраки», выполняющіе «чужую» работу, нанимающіеся «до людей»; второй и третій классъ состоять изъ «хозяевъ», имѣющихъ «свое діло» и затрачивающихъ на него личный трудъ. У середняковъ чѣмъ больше этого «діла», тѣмъ больше имъ затрачивается своего труда,—середнякъ работаетъ прямо пропорционально своей зажиточности: сдѣлавъ «свою» работу, онъ отдыхаетъ, на чужую рѣдко идетъ, не желая ронять своего «хозяйского» достоинства. Богатые мужики уже имѣютъ годовыхъ работниковъ и эксплоатируютъ наемный трудъ въ объемѣ ихъ «діла», участвуя лишь въ нѣкоторыхъ процессахъ этого «діла»: «на то ковалъ и клеши держе, шобъ рукъ не пекты».

Не только выраженіемъ, но и самыми мотивами хозяйственной дѣятельности отличаются между собой эти группы. «Личный интересъ», какъ стимулъ труда, представляется формой, въ которую вкладывается разнос содержаніе:

„Відний зъ крайности бѣтца,
Середній, шобъ не дойти до неї печенца,
Высчій, шобъ порівняться зъ богатымъ хлопоче,
Богатый, шобъ не бувъ хто рівнимъ, уйти хоче“.

Такова схема импульсовъ на разныхъ ступеняхъ довольства. Однихъ заставляеть трудиться личная нужда, у другихъ «заведенный кругъ» хозяйства требуетъ определенной работы, третьихъ руководитъ зависть или честолюбіе. Личные потребности, хозяйственныя потребности, а затѣмъ страсти руководятъ хозяйственнаю дѣятельностью человѣка. Вообще люди, по понятію народа, на-

ходятся подъ вліяніемъ разныхъ мотивовъ, смотря по своему положенію. Положеніе крестьянъ иное, чѣмъ положеніе высшихъ слоевъ общества, «панивъ», и мотивы ихъ дѣятельности совершенно разные. Жизнь народа протекаетъ въ «работѣ», т. е. въ производствѣ материальныхъ цѣнностей, жизнь высшихъ слоевъ протекаетъ въ «хлопотахъ». Жизнь народа основана на *раздѣлении труда*, жизнь высшихъ слоевъ на *раздѣлении хлопотъ*. Группировка людей высшихъ слоевъ совершается по ихъ способностямъ «къ услугамъ» или по значенію уже оказанныхъ «услугъ» обществу. Отношенія высшихъ слоевъ и крестьянъ—не экономическая, такъ какъ здѣсь не происходитъ обмѣна «материальными» цѣнностями, непосредственнымъ производствомъ которыхъ высшіе слои не занимаются.

Иллюстраціей трудового принципа можетъ служить отношеніе разныхъ «классовъ» народа къ праздникамъ. Первый классъ обвиняетъ «черны» въ праздности, настойчиво пропагандируетъ идею труда, разрушая суевѣрія, связанныя со многими праздниками и заставляя работать своихъ работниковъ въ эти дни. Послѣдній классъ, наоборотъ, наиболѣе сочувствуетъ всѣмъ народнымъ праздникамъ и крѣпко ихъ держится. Празднуется онъ потому, что ему дѣлать у себя нечего. Остальные классы придерживаются особыхъ праздниковъ. Середнякъ создалъ особую литературу, которой порицается праздность и осмѣивается человѣкъ лѣнивый и «невдалый».

Вообще праздники дѣлятся народомъ на двѣ категоріи: на «грішные» и «сердитые». Къ грѣшнымъ относятъ общепринятые большіе праздники и нѣкоторые изъ малыхъ, на которые грѣшно работать, подъ сердитыми праздниками разумѣютъ тѣ, святые которыхъ отличаются мстительностью за непочтеніе къ нимъ. Тѣ и другие въ свою очередь дѣлятся на крѣпко грѣшные и сердитые праздники и мало грѣшные и сердитые. Первая категорія обыкновенно празднуется, на вторую воздерживаются отъ нѣкоторыхъ видовъ работы. На сердитые праздники, кромѣ того, часто постять. «Ягорій» завѣдываетъ волками, и если есть въ хозяйствѣ мелкій скотъ, то одинъ изъ семьи поститъ; существуетъ коровячій праздникъ «Власса», его празднуютъ бабы, хотя бѣдовая баба заставляетъ праздновать и своего «чоловіка»; на «Руфу», когда «травы рушатся и гадюки выползаютъ» и на «Здвыженѣ» нельзя въ лѣсъ ходить; на «Чернаго Ивана» не все можно дѣлать, такъ какъ работа почернѣетъ; на «Головосіка» нельзя круглаго рѣзать. Если работать на «Царяграда»,—градъ выбьетъ

поле, на «Палія», — пожаръ будеть, на «Михайлова чуда», — какое нибудь «чудо» совершится, на «Благовісника», — родится «благовісный»¹⁾). Встрѣчаются крестьяне, которые еще празднують «веселый день росальчинъ», «розыгры», «пятинки», двѣнадцать знаменитыхъ пятницъ и проч.²⁾ Но ремесленники не празднують «сердитыхъ» и малыхъ праздниковъ. На «мало грѣшные» празд-

¹⁾ Приведемъ нѣсколько характерныхъ рассказовъ, которые намъ удалось собрать.

,Одинъ чоловікъ взявъ жыто въ праздныкъ та кинувъ лопатою вгору, а тамъ була гадюка та й впала ему на плечи; укусыла, обвилася коло шин,—такъ и вмеръ нещасный.—Одна жінка беремена шила въ праздныкъ та й родила дитя зъ шитыми пальцями на рукахъ и на ногахъ.—Одна дівка лишила въ лісъ проходыця та й заблудыла. Ходыла, ходыла та й впала въ ту яму, що гадюки злязтица на Здвижене всі до міста на зиму. И гадюки ії такъ уплемы одна за другу, що незязя було вилити,—тамъ и вмерла.—Одинъ богатий чоловікъ не чтывъ малыхъ праздныківъ, и на Палія оставсь одинъ визъ снопівъ не скыдањихъ. Винъ ихъ скыдавъ, довершывъ стога, не вспівъ злисти,—якъ отъ летить птицы и несе головешку вогню, а зъ неї такъ іскри и сипятця, та й кинула на той стігъ що довершувавъ. И вразъ весь тикъ его зъ хлібомъ загорився и згоривъ до тла. Не дай Богъ робити на Палія,—непреміно хлібъ погорить.—А то одинъ чоловікъ поіхавъ сіяти, ему люде и кажуть: «куди ты Ідешъ?— „Куды? хиба не бачешъ: сіяти“.—„А сегодня праздныкъ Михайлова чуда“.— „Э,— чудно жъ буде якъ засію ниву“. Отъ и прийіхагъ на ниву, ставъ борону знімати та задівъ голову мижъ бильця борони, щобъ на плечи ії взяти и знести на ниву,—та такъ зъ бороною цілий день по ниві и проходывъ до вечора, ажъ поки смеркло. Та ажъ тоди опомнився. Тоди положивъ борону на визъ та й прийіхавъ до дому, та й дітамъ заказавъ на Михайлово чудо ничего не робити“.

²⁾ Въ рукописи „Сонъ Пресвятыя Богородицы“, сильно распространенной среди крестьянъ, идея отдохна настойчиво пропагандируется. Рукопись эта знаменательна во многихъ отношеніяхъ: нѣкоторые по наивности своей ю молятся и до настоящаго времени, ее кладутъ подъ голову родильницъ для облегченія родовъ, прикосновенiemъ ея лечуть нѣкоторыя болѣзни. Въ ней предписывается не работать въ воскресный день и во дни праздниковъ Господнихъ. „Ежели, сказано въ рукописи, сего моего писанія не будете слушать, то буду вать карать злымъ повѣтремъ и побужу царя на царя, короля на короля, князя на князя, пана на пана, сосѣда на сосѣда, брата на брата, отца на сына, сына на отца, и будутъ между вами великая кровопролитія, и всѣхъ вать оскорблю, и пищу отниму; еще буду карать вать градомъ и блистаниемъ, дабы познали гнѣвъ мой и справедливость мою. Еще приказую дабы въ субботу послѣ вечерни не робыли для Пресвятыя Богородицы матери моей“. Въ „поученіи папы римскаго о двѣнадцати пятницахъ“, входящемъ въ общую рукопись, предписывается поститься въ эти дни, а по другимъ спискамъ поститься и не работать. Кто чтитъ 1-ую пятницу, на первой недѣлѣ великаго поста, „отъ незапннїи смерти избавленъ будеть“, 2-ую, передъ Благог҃щенiemъ, „отъ непріятеля сохраненъ будеть“—а по другому списку, „отъ напраснаго убивства сохраненъ будеть“, 3-ью, на страстной недѣлѣ, „отъ пагубы сохраненъ будеть“, „отъ великой муки

ники и мужики обыкновенно уже работаютъ. Празднуются дни церковнослуженія: «чи воно завтра дуже грішный празныкъ,— чи будуть звоныты, чи ні? Треба-бъ ото и ото зробити та й не знаю чи роблять де? Якъ люди роблять, нехай Богъ простыть». Слышится протестъ: «якъ будемъ саввыты да варварыты да не будемъ починка кувбаныты, то й останемся безъ сорочки», и ропотъ на праздники, столкнувшіеся вмѣстѣ: «оці мені ще праздныки! Тутъ діла по горло, ажъ крычить, а тутъ празднуй». Работаютъ иногда и на большие праздники половину дня. Молодое поколѣніе не признаетъ многихъ праздниковъ старого поколѣнія, работаетъ и на сердитые праздники.

Народъ возбуждаетъ себя въ работе пословицами: «хто дбає, той и має», «хто трудытия—не кучытия», «ледачій чоловікъ—плохій хозяинъ», «білы руки—чужій трудъ», и т. п. Лѣнивыхъ и неумѣльыхъ называютъ «легами», «баглями», «нехлюями», «вайлами», «лутаями», «неклюгами», «пришелепуватыми», «недотепными», «невдалюгами», «долдонами», «мішкомъ прыбытыми», «не дотека—не кукебами»: «вона нехлюя и кішці хвоста не завяже», «пришелепа недотіпный, винъ до воза и килочка не затеше». Надсмѣхаются: «гей—цабе! сіemo, оремо, а зъ базару хлібъ йімо», «умомъ робы, а кровью на двіръ ходы», «о, той швець якъ пошые, такъ разъ будуть на собаку велики, а на кішку ма-

сохраненъ будеть», 4-ую, передъ Вознесенiemъ, „на судѣ перушимъ будеть“, „отъ потопленія сохраненъ будеть“, 5-ую, передъ Сошествиемъ Св. Духа, „отъ страшного меча сохраненъ будеть“, 6-ую, передъ Рождествомъ Іоанна Предтечи, „отъ недостатка сохраненъ будеть“, „отъ великаго и недоступного грѣха сохраненъ будеть“, 7-ю, передъ Ильей, „отъ грома сохраненъ будеть“, 8-ую, передъ Успенiemъ, „отъ всякия трясовицы сохраненъ будеть“, 9-ую, передъ Козьмою и Демьянномъ, „отъ болѣзни сохраненъ будеть“, „отъ смертного грѣха сохраненъ будеть“, 10-ую, передъ Михаиломъ, „увидить имя свое у Пресвятой Богородицы на престолѣ“, 11-ую, передъ Рождествомъ Христовымъ, „Пресвятую Богородицу передъ смертю узрить“ и 12-ую, передъ Богоявленiemъ, „увидить имя свое у самого Господа нашего І. Х. въ животныхъ книгахъ“.— Извѣстно, что бабы вообще по пятницамъ не придутъ, бѣлья не бучатъ, въ 12-ую пятницу не шьютъ, мужики по пятницамъ не пашутъ землю. „Въ каждомъ мѣсяцѣ, читаемъ въ той же рукописи, должно опасаться двухъ дней злыхъ: генваря 2 и 26, февраля 2 и 24, марта 3 и 28, апраля 3 и 12, мая 2 и 21, іюня 4 и 8, іюля 6 и 28, августа 6 и 18, сентября 2 и 21, октября 8 и 29, ноября 19 и 22 и декабря 2 и 21. Кто въ оные дни женится, тотъ человѣкъ не обрадуется, а кто заболѣсть, не встанетъ, хотя и встанетъ, нездоровъ будетъ; если родится въ человѣцѣхъ или въ скотѣ, то своей горести не избудеть. Кто домъ построить, не будетъ въ немъ жить, кто въ путь пойдетъ, прибытка не будетъ или смерть явится; кто посадить или посѣтъ, не взойдетъ“.

лі! «видно, каже, пряху по пилтеци», «тай скемзаль дядя на себя глядя», «сіла прясты якъ чередныкова Химка», «торгувалы й кирпичомъ», та остались не причомъ», «ни швець, ни мнець,—ни чортъ зна шо». Народъ знаетъ цѣну сатиры и прибѣгаєтъ къ ней для осмѣянія праздности и неумѣлости, для увеличенія труда и усиленія его производительности ¹⁾.

Вторымъ признакомъ народной классификаціи населенія яв-

1) Приводимъ нѣсколько собранныхъ нами образцовъ народной сатиры.

„Жінку мужыкъ ругае: „та ты стерво ні зиекты, ні зварытъ“.—„Та й тильки-жъ“. „Та ты ні шыты, ні прасты“.—„Тай тильки-жъ“. „Та ты и хаты не пидметешъ“.—„Та й тильки-жъ“. Та ты й танцюваты не вміешъ“.—Э, ні! За скокы—въ бокы—побью матери вашій чортъ и щокы“. Тильки танцювать и вміла“.

„Одна жінка запустила діжу шо вона и на діжу не похожа: около и въ середці вершкя на три позасыхало тісто, хлібъ не удаєтца. Мужъ її ругае: „чого такій плохій хлібъ, не такъ якъ у людей?“ Вона отвічае: „Э, бісь батькови твоему! У людей святять діжу на годъ разинъ десять, а у насть и зъ роду не святылась“.—„Такъ треба поклыкати та посвятити“ Ну и поклыкалы. Піпъ кадить діжу и приговорює: „діжа, діжа! треба тоби выхтя та ножа, а хозяйци батожа“. Чоловікъ: „ты чуешь жінко?“ Вона: „Эге,—молись чоловіче та бый поклоны“.

„А то одна жінка задумала палянцыями торгувати. „Купы, каже, чоловіче куль муки, буду пекты палянцы та на базари торгувати“. Чоловікъ дурний и послухавъ, кулыкъ. Вона якъ утаяла,—вынесла на базарь, никому и дурно не нужно. Приносе назадъ. Ні, чоловіче, на палянцы нема ходу, люде—бубликовъ та й бубликовъ. Иди чоловіче товчи на ступі палянцы, а я буду сілти та бублики пекты“. Напекла, понесла,—тоже никому не нужно. Приносе назадъ. „Ні чоловіче и на бублики нема ходу, люде—квashi та й квashi. Иди товчи, я наварю квashi“. Паварыла діжку, привязала ему за плечи. „Ну несы-жъ на базарь, торгуй, та гляды у тебе родичівъ до чорта, ты ще дурно пороздаєшъ“. Взяла кочергу та на землі написала хрестъ. „Цілуй, бісівъ сынъ, божись, що никому дурно не дасы“. Винъ дурний и нахильнись цілувати хрестъ, а кваша черезъ голову до долу й вилилась. Вона и давай кричать: „Отъ бісівъ сынъ, зъ такимъ чоловікомъ и пожыви на світі,—якъ скотівъ, такъ мішокъ муки и перевівъ“.

„А то якъ ковалъ эт пуда заліза зробивъ пышкъ. Одынъ хліборобъ каже ковалю: „выйде зъ пуда заліза лемішъ?“—„Выйде та ще й добрий“. „Ну, на залізо, робы“. Отъ винъ робивъ, робивъ,—„ні, каже, не выйде лемішъ, а выйде чересло“.—„Ну робы чересло“. Робивъ, робивъ,—„ні, каже, не выйде чересло, а выйде сокира“.—„Ну робы сокиру“. Робивъ, робивъ,—„ні, каже, не буде сокира, а буде долото“.—„Ну робы и долото“. Робивъ, робивъ,—„ні, каже, не буде долото, а буде шквайка“.—„Робы шквайку“. Робивъ, робивъ,—„ні, не выйде шквайка, буде шило“.—„Та робы й шило“. Запліскавъ, встремивъ въ воду загортывать,—оно й зашипило. Мужыкъ: „Эге! бачъ, каже, шо воно вийшло—пышкъ! Ну приходь же за грішмы“.—Кузнецъ пійшовъ и хлонця взявъ. „Гляды-жъ, каже, якъ буду гроши просыти, а ты кажи: прибавте панъ-отець и на мальчика, бо работы было богато“. Приходють. Мужыкъ попавъ кузнеца за верхивъ и давай ему метелыци давати. А хлопецъ за дверми кричать: „прибавте панъ-отець и на мальчика, бо работы было богато“.

ляется богатство. Чѣмъ зажиточнѣе человѣкъ, тѣмъ выше классъ, къ которому онъ принадлежитъ. «Хозяйственность» есть существенный атрибутъ второго и третьего класса, денежная сила характеризуетъ первый классъ. «Полный хозяинъ» тотъ, у кого «заведенъ кругъ», кто имѣетъ «худобу» и деньги. О бѣдныхъ земледѣльцахъ и ремесленникахъ, хотя вполнѣ самостоятельныхъ, обыкновенно говорятъ: «та зъ его николы не буде хозяинъ, винъ довіку чужий робітныкъ». Такъ переплетаются два принципа работы и богатства,—имѣя одни и тѣ же термины для своего выраженія. «Чужий робітныкъ», «хозяинъ», «полный хозяинъ», «купець»—таково, по существу, обозначеніе классовъ.

Если подъ «работой» народъ разумѣеть усилія, производящія матеріальныя цѣнности, то съ богатствомъ соединяется у него мысль о нравственномъ паденіи: «не отдавши чортамъ душу, богатъ не будешьъ», «богатому ти помогаютъ, шо пидъ мостомъ сидять», «богатому чортъ дытыну колыше, а бідный и няньки не найде», «шо мужыкъ богатый шо чортъ рогатый—міжъ собой братъ ридні». Тотъ богатѣеть, кто отдаетъ черту свою душу. Получивъ душу, чортъ заставляетъ чертенятъ работать и черезъ нихъ посыаетъ деньги ¹⁾). Неопределеннная и слишкомъ общая

1) „Мы, каже, мололи на мельниці, отъ дывымся, каже, шото около мосточка загрузило,—гійка, гійка, ніякъ не вытягне. А мы и кажемъ: „а ну, ходимъ, шо воно за чортъ“? Приходымъ, колы везлы люде тачку зъ здоровеннымъ языкомъ на двухъ колесахъ и повнисенькій грошій,—самого серебра. „Поможить, каже, добри люде намъ вытаскаты ящикъ,—ниякъ не вытягнемъ. Мы вамъ, каже, да-мо по пригорши грошій“. Давай. Помоглы вытаскаты, вони намъ всыпали въ шапку по пригорши серебра. Мы таки раді, прійшли въ майнъ до вогню—дывимся: колы воло вугилья. „Бодай тебе чорты взяли! Дывись,—давали гроши, а зробылось вугилья“. А мироныкъ каже: „Шо тамъ таке“?—Але, оттаке и таке. „Эге, вы думали то люде везлы гроши, то чорты везлы нашему хозяину. Отто якъ-бы віддали чертамъ свои души, такъ якъ нашъ папъ-отець, то и у васъ булы-бъ гроши, а не вугилья. Мені, каже, хозяинъ вслить тоже орудовать чортами, шобъ скорішъ мололы“. Мы й напалысь на его: „а ну скомандуй“.—„А купите півъ-кварты“? „Купемо“. Тутт збоку недалеко и шинокъ, пишлы, выпылы. Идемъ изъ шинку, а воно тільки, тільки шо движатца. Винъ пидійшовъ до локотивъ та й каже: „а що це таке! Хиба такъ мелютъ! А не хочете, каже, потягти назадъ, а чу-те-ка попробуйте якъ воно, чи легче буде тягти противъ воды, чимъ за водою“. Дывимся,—пійшли колеса проты воды тільки „скрыпъ, скрыпъ, скрыпъ“. „Ну глядите же,—валай да хорошенько“! Якъ же воно зажарило, такъ и чорты его батька зна, ну прямо-жъ страшно и въ млыни сидиты. Отъ воно шо“.

„А то идутъ у двохъ въ темну ничъ зъ шинку на гору, а воно душъ 20 тягнуть на гору таку-жъ тачку червонцевъ повнисинку и ніякъ не вытягнуть.

идея «работы чорта», выраженная въ народныхъ легендахъ, принимаетъ болѣе конкретное очертаніе въ разговорной рѣчи: «це зъ чого винъ нажывся? Це винъ зъ нась, изъ нашихъ трудивъ», — «о такій бувъ головою, нажывся, а той писаремъ, а того-то батько бувъ полісовщыкомъ, нажывся, а такому-то зъ монастыря братъ натаскавъ, а такій-то скарба (кладъ) выкопавъ» и т. п. Существуютъ указанія на промыслы: «цей нажився изъ ліса, а «изъ ліса, якъ изъ біса», той зъ торговли—отъ лавки, той изъ шинка, а той землю державъ, а у того батько чумакувавъ; теперь кажуть: «чумакую, чумакую, а смаку не чую», а тоди смакъ бувъ». — Трудъ не считается источникомъ богатства, а лишь условиемъ существованія, средствомъ пропитанія человѣка. Люди богатѣютъ не отъ труда, а отъ «занятія». Богатѣютъ не музыки или «рукомесныки», а «занятельщики». «Занятіе»—это предпріятіе, специально расчитанное на барышъ. «Занятіе разрабатывается» не личнымъ трудомъ, а «чрезъ посредство нанятаго труда»: «въ занятіи успівае, хто чужій трудъ покупае».

Имѣя нѣкогда количественное значеніе, богатство является въ настоящее время качественнымъ факторомъ и теряетъ свой филантропической атрибутъ. Зажиточные считали прежде своею нравственную обязанностью помогать бѣднымъ. Разные были виды помощи. Бѣдные, видя, что у богатыхъ есть какое-нибудь дѣло, приходили, работали и уходили. За это имъ присылали двойное вознагражденіе. При священіи пасокъ, около церкви оставлялось принесенное. Миски и «рушники» поступали на церковь, а пасхи и съѣстное раздавали бѣднымъ. На другіе праздники зажиточные пекли хлѣбъ и раздавали его или разносili. Въ извѣстные дни разносili по «призьbamъ» зерно въ мѣшкахъ и незамѣтно уходили. Въ полѣ оставляли «для прохожаго» хлѣбъ недокошеннымъ, чаще скошеннымъ, но не сгромаженнымъ, иногда уже сложеннымъ въ копны съ вѣхами, чтобы отличить ихъ отъ хозяйственныхъ. Этотъ хлѣбъ назывался «пайками для бідныхъ». И не мало было лицъ, которыхъ на вопросъ: «у тебе свій хлѣбъ?»

Пидійшли и кажуть: „шо це вы добри люди?“—„Та веземо оттому проклятому шевцеви гроши. Веземъ, веземъ и піякъ не настачемъ; де винъ ихъ дива, чорти его батька зна. Поможите пожалуста“. Воины помогли вытягти на гору та й шли слідкомъ прислідити куды повезутъ. Прямо, кажуть, и повезли до шевця въ дверь,—ше покойного шевця—та, кажуть, до двора близъко нейза й пидіты: стукотнява, грюкотнява,—ті дубъ товкуть, ті гроши носять, бряжчатъ. Прямо ціле, кажуть, пекло. Коло его и люде боялись селитця,—такъ самъ соби и живъ за слободою“.

отвѣчали «ні, пайковый». — Въ настоящее время представители богатства стали глухи къ народнымъ нуждамъ. Гордые сознаниемъ своей силы («есть рубль—есть и умъ, а два рубля и два ума»), они замѣняютъ прежнюю филантропію вмѣшательствомъ во всѣ случаи нужды въ цѣляхъ личной наживы, говоря: «по совѣсти жьть—по міру ходить». Игнорируя народные «розсказни», они оправдываютъ себя ссылкою на «законъ», вызывая затаенный ропотъ и общій упрекъ: «якій тамъ законъ,—зачипывсь за колъ».

Велико вляяніе богатства на человѣка. «Есть рубль, есть и умъ. Богатый чоловікъ и дурный стане разумнымъ и веселымъ и морда стане білиша и світлиша, мало того шо одежа лучша и чистиша. Коли богатый шо робе въ поли або дома,—и бідный такъ-же стараетця, такъ бачъ винъ разумнишій,—въ ёго и сіно пидъ дождемъ не було, знавъ коли скосыты и выгромадыты, усе робытия вразъ, а бідный покы зберетця, дывысь—и тамъ, и въ другімъ місті зробивъ не въ попадъ, ну значить и дурнишій. Богатый никого не боитця, ни десятника, ни старосты, ни старшины, ни станового, за подушне его не тянуть, на панщину не поженуть, а бідный ото всего боитця и ховаетця. Богатый, каже, хоть якъ бреше, а все кажуть: «правда, паноче», а бідный хоть яку ширу правду скаже: «та бреше, кажуть, собачій сынъ». Богатый каже громади: «а що господа повірите, яка мені прывиденція случилася. Я, каже, взявъ здуру та й помазавъ лемишъ на зиму саломъ, шобъ ржा нейіла, коли кинувсь оце весною, а винъ зъ дирками,—такъ зубы и знаты,—прокляты мыши пойіли. Я такы здорово наквацовавъ его саломъ». — «Та, що паноче, пожалуй и случитця. Якъ дуже намазанный, т҃о залізо саломъ и пройшло, а воны, прокляті мыши, на все падки». Ходе богатый красивый, гладкій, моложавый, а якъ забідниша, вразъ постариша, де той и толкъ динетця, голова закудлатиша, подурниша. Святі оци қарбованци: лучше святыхъ помогаютъ». Богатство—сила, а силой можно злоупотреблять. Не регулируемое сознаниемъ долга, не обставленное вицьней репрессіей, оно обуздывается идеей небеснаго возмездія. «Убіжъ» создала массу легендъ, которыми возбуждается въ душѣ богатыхъ чувство страха конкретными образами. Разные виды несчастія постигаютъ богатыхъ за угнетеніе бѣдныхъ. То на нихъ нападаютъ физическая боли, то ихъ обуреваютъ душевныя муки, въ домѣ поселяются духи, парализующіе всѣ удобства, доставляемыя богатствомъ, подъ конецъ жизни появляется страшное, но уже позднее раскаяніе.

Указанные принципы «работы» и «богатства», говоря вообще, находятся въ обратномъ отношеніи. Силою, установившею такое отношеніе ихъ, является «доля». Доля у каждого своя. У однихъ «доля мохнатая, щастлыва», у другихъ «доля гола, нещастлыва». Можно находиться въ разныхъ отношеніяхъ къ людямъ, но ругать долю также нелѣпо, какъ и роптать на Бога.—

Было уже замѣчено, что ремесленники вообще составляютъ особый «міръ» въ крестьянствѣ. Ихъ обособленность, жизнь, основанная на «живій копіїци», исключительная работа на другихъ отдѣляютъ ихъ отъ остального населенія, отъ которого они отличаются и внѣшнимъ видомъ. Разная работа, соединяя людей общественно, лично разъединяетъ ихъ. Къ общимъ отношеніямъ заказчика и выполнителя, продавца и покупателя, присоединялись специальная условія, вызывавшія взглядъ на ремесленниковъ, какъ на людей жмущихъ, эксплуатирующихъ. Посторонній человѣкъ всегда былъ чужимъ и до извѣстной степени враждебнымъ. Прибѣгая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ «странникамъ», пришлымъ «чужеземнымъ» ремесленникамъ, населеніе относилось къ нимъ недоброжелательно. Во времена крѣпостного права, крестьяне еще пользовались услугами «панскихъ» ремесленниковъ. При дешевизнѣ хлѣба, бѣдные помѣщики, нуждаясь въ деньгахъ, смотрѣли на своихъ ремесленниковъ, какъ на выгодную статью дохода. Дозволяя имъ работать на «вольныхъ», они назначали высокую таксу, къ которой ремесленники присоединяли еще нѣсколько процентовъ для себя.

Но, представляя отдѣльный «міръ», ремесленники не составляютъ особаго «класса». Они входятъ въ составъ разныхъ классовъ, хотя болѣе или менѣе и отличаются отъ другихъ представителей этихъ классовъ. Степень отличія опредѣляется родомъ ремесла и классомъ, къ какому ремесленникъ принадлежитъ. Чѣмъ сельскохозяйственнѣе промыселъ или выше классъ, тѣмъ меныше этого классового отличія. Бѣдный «олійникъ» живетъ также, какъ остальные мужики, богатый «швецъ» такъ, какъ торговцы. Ремесленниковъ первого класса и называютъ «торговцами», торгующихъ ремесленниковъ третьего и послѣдняго классовъ называютъ просто «ремесныками». Сами ремесленники называютъ себя еще «здільщиками», «занятельщиками» и рѣзко отдѣляютъ «большихъ здільщиківъ» отъ «малыхъ». Крестьяне вообще отличаютъ тѣ разнородные и разнохарактерные элементы, которые обволакиваются у насъ общимъ терминомъ «кустарная промышленность».

Не придавая самостоятельного значения работъ на рынокъ, какъ признаку второстепенному, производному, а также другимъ временнымъ или мѣстнымъ условіямъ, они устанавливаютъ два принципа классификаціи: «укладъ» и «челядниство». Величиною обратнаго «капитала» и количествомъ наемныхъ рабочихъ рукъ отдѣляются одни ремесленники отъ другихъ, т. е. специальными формами тѣхъ же принциповъ, которые лежатъ въ основѣ классификаціи населенія вообще.

Гл. 2.

Общинное землевладѣніе.

Размѣщеніе угодій.—Способъ пользованія и форма владѣнія.—Два народныхъ течеія.—Займанщина.—Усадьба.—Выгонъ.—Поле.—Лѣсъ.—Сѣнокосъ.—Заполье.

Велика разобщенность въ современной деревнѣ и крѣпки нити, соединяющія отдѣльныя группы. Начиная съ формальностей, до глубоко интимныхъ влечений,—все подчиняется властнымъ законамъ общественной солидарности и общественной розни. Сама территорія какъ-бы носитъ отпечатокъ этой власти.

Первый классъ занимаетъ самое сердце селенія, второй поселяется на окраинахъ и поясомъ охватываетъ слободу, остальные классы занимаютъ промежуточное мѣсто, отдѣляясь впрочемъ другъ отъ друга. Торговцамъ нуженъ базаръ, проѣзжій трактъ, «дукачамъ» нужны просторъ, близость поля, выгона, поласа, возможность подъ-часть захвата для расширенія своихъ угодій.

Концентрическое, поясное дѣленіе замѣчается на всемъ пространствѣ крестьянской общины. Въ центрѣ ея находится усадебная площадь, раздѣленная на постоянные участки потомствен-наго семейнаго владѣнія, за нею идетъ концентрически расположенная площадь общественного выгона, находящагося въ безраздѣльномъ пользованіи всѣхъ, затѣмъ расположены поля, лѣса, сѣнокосы, постоянно передѣляемые на пайки и доли по душамъ, работникамъ, дворамъ и, наконецъ, охватывающее разныя угодья и замыкающее всю общину, «заполье», состоящее изъ рѣдко передѣляемыхъ, ежегодно обрабатываемыхъ душевыхъ участковъ.

Разнообразны способы пользованія и формы владѣнія общественною землею. Внѣшнимъ дѣятелемъ этого разнообразія является родъ самаго угодья, которому соответствуетъ внутренній факторъ—человѣческія потребности. Каждое угодье имѣетъ свою основу распределенія. Усадьба нужна для организаціи хозяйства

и основаниемъ распределенія усадебной площиади является частное хозяйство членовъ общины, поле нужно для человѣка и основой распределенія поля является ревизская, а съ недавняго времени и наличная душа, относительно выгона основою является само общество, для лѣса—дворъ, ревизская душа, работникъ. Владѣніе, такимъ образомъ, бываетъ личнымъ и коллективнымъ: общественнымъ, семейнымъ, дворовымъ, душевымъ, работницкимъ. Пользованіе бываетъ по времени—постояннымъ, времененнымъ и разовымъ, по виду—нераздѣленнымъ и участковымъ, паевымъ, долевымъ. Относительно времени,—чѣмъ больше труда затрачивается на извѣстное угодье, тѣмъ продолжительнѣе бываетъ пользованіе имъ. На усадьбу затрачиваются больше всего труда и ею пользуются «вѣчно», въ полѣ—меньше, и имъ пользуются временно, сѣнокосъ и лѣсъ появляются безъ труда человѣческаго, и ими пользуются въ формѣ разовой вырубки, разового укоса. Видъ пользованія опредѣляется качествомъ угодья и его разстояніемъ. Форма владѣнія, такимъ образомъ, указываетъ на единицу распределенія общественной собственности, способъ пользованія на продолжительность и видъ владѣнія; форма владѣнія диктуется *потребностями*, способъ пользованія—соображеніями о количествѣ труда, необходимаго для удовлетворенія этихъ потребностей.

Итакъ, разныя угодья общины, владѣніе и пользованіе ими находятся въ связи съ потребностями и трудомъ человѣка, разные классы населенія, общественное положеніе ихъ находятся въ связи съ богатствомъ и работой человѣка.

Общинное землевладѣніе въ Харьковской губерніи въ его современной формѣ обязано своимъ появленіемъ борѣть «классовъ», формировавшихся на почвѣ неравномѣрно распределенной «старозаимки». Чѣмъ раньше возникла эта форма, тѣмъ позднѣе она образовалась; чѣмъ позже она появилась, тѣмъ больше жертвъ и даже жизней она потребовала. Административное вмѣшательство способствовало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этому процессу. Такъ, изъ болѣе позднихъ вліяній, кадастровая комисія, работавшая въ Харьковской губерніи (1848—1853 гг.) надѣй переложеніемъ у государственныхъ крестьянъ податей съ ревизскихъ душъ на земли и промыслы, сообщила новый толчекъ формированию общинъ¹⁾). Въ образовавшихся общинахъ замѣчается въ настоящее время стремленіе къ передѣлу поля на наличныя

¹⁾ См. „Кадастръ Харьковской губ.“ (Харьковскій Сборникъ, вып. VI, стр.

души и «равненіе» старыхъ усадьбъ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ величины полевого надѣла. Зародившись въ большихъ центральныхъ пунктахъ, движеніе въ пользу общиннаго землевладѣнія, преобладающей формы землевладѣнія, перешло въ хутора и, не смотря на увеличившіяся внѣшнія и внутреннія препятствія, охватило много селеній и хуторовъ, еще сохранившихъ старозаимочный личный типъ землевладѣнія. .

32—33). Приведемъ три общественныхъ приговора о передѣлѣ земель, относящихся къ тому времени.

„1851 года іюля 21 дня мы, нижеподпісавшіеся Харьковскаго округа Липецкой волости, Больше-проходзанскаго сельскаго общества сель Большыхъ и Малыхъ Проходовъ государственные крестьяне, бывъ на сельскомъ сходѣ въ полномъ собраніи всего 220 домохозяевъ, учинили сей приговоръ въ томъ, что въ нашихъ селеніяхъ, Большыхъ и Малыхъ Проходовъ, нахатная земля, принадлежащая намъ, государственнымъ крестьянамъ, есть четвертнал, владѣемая нами съ предковъ до сего времени по старымъ засѣлкамъ и документамъ четвертными по помѣстьямъ неуравнительно, т. е. имѣющіе домохозяева, при семействахъ только по одному работнику, отъ 20 до 35 десятинъ на одну ревизскую м. п. душу, которую, по малому ихъ состоянію и по недостатку рабочаго скота, обрабатывать исправно не могутъ,—а потому мы всѣ съ доброй своей воли безъ всякаго и ни отъ когдѣ принужденія предположили для себя за выгоднѣе раздѣлить всѣ таковые четвертные участки земли на число ревизскихъ м. п. по 9 переписи состоящихъ въ нашемъ обществѣ 999 душъ уравнительно по скольку причитаться будетъ, и мы послѣ сего о передѣлѣ оной земли впредь просить и заводить дѣль по присутственнымъ мѣстамъ нигдѣ не будемъ. Въ чёмъ сей приговоръ подписанъ нашимъ удостовѣряемъ и просимъ представить оный на утвержденіе куда слѣдуетъ чрезъ волостное правленіе, въ томъ и подписуемся“.

„1851 г. іюля 10 дня мы, нижеподпісавшіеся Харьковской губ. Сумскаго округа, Верхне-Сыроватской волости, Нижне-Сыроватскаго общества всѣ домохозяева, бывши на мѣскомъ сходѣ, въ присутствіи завѣдывающаго харьковскимъ отрядомъ уравненія сборовъ съ государственныхъ крестьянъ коллежскаго съѣтника и кавалера Зубова и помощника Сумскаго окружного начальника составили сей приговоръ, что желаемъ объявленное намъ количество земли, по каждому домохозяйству отдельно, раздѣлить между всѣми домохозяевами по числу ревизскихъ душъ по ровно, также дать такие же участки и тѣмъ изъ насъ, которые земли не имѣютъ, а отставнымъ солдатамъ назначить равныя съ нами земли въ раздѣлъ по разсчету на душевой пай; усадебная же земля въ раздѣлъ не назначать, а оставить ихъ, какъ у каждого по измѣренію оказалось. Это наше желаніе основано въ томъ, чтобы при уравнительномъ владѣніи полевыми землями и плата поземельная была одинакова съ каждой ревизской душой, что же касается до земель, которая будуть отведены и отставнымъ солдатамъ, то за земли усадебныя обязуемся мы платить обществомъ, а за полевые земли они, солдаты, должны платить въ общество тотъ окладъ, какой на десятину будетъ положенъ. Земли же присвоемыя за крѣпостныхъ изъ насъ Новаковыми и Обозными въ раздѣлъ не назначать, а представить имъ платить особо. Означенный

Параллельно съ этимъ народнымъ движениемъ замѣчается движение иного рода,— разложеніе общинныхъ формъ подъ вліяніемъ агитациі первыхъ двухъ классовъ крестьянства. Старозаимоначные судебные процессы сообщили сильный толчекъ движению этого рода. Освобождая государственныхъ крестьянъ отъ платежа оброчной подати, они воодушевляютъ «старозаимщиковъ», ломающихъ общину, и уже содѣйствовали имъ въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ «разобрать землю по старому»¹⁾.—Факти-

раздѣль земли, на каждую ревизскую душу, обязуемся сдѣлать своими средствами, не затрудни начальства».—Интересно, что въ прошломъ столѣтіи въ Нижней Сыроваткѣ было общинное землевладѣніе. По свѣдѣніямъ за 1773 годъ—«въ сл. Низшей Сыроваткѣ владѣющихъ вообще землею 1949 душъ, въ томъ числѣ состоять имѣющихъ отдельныя дачи 161 душа, неимѣющихъ земли 215 душъ».

„1856 г. марта 26 дня мы, нижеподписавшіеся Харьковскаго уѣзда Деркачевской волости слободы Деркачей государственные крестьяне, бывъ на сельскомъ сходѣ, имѣли сужденіе о томъ, чтобы дачу нашей слободы, владѣемую нынѣ по старымъ заемкамъ каждымъ домохозяиномъ, раздѣлить на души по ровному количеству десятинъ на тотъ предметъ, чтобы всякий изъ насъ имѣлъ одинаковую возможность уплачивать подати и прочія денежныя повинности, въ чёмъ единодушно всѣ домохозяева постановили безъ всякаго спора и безъ всякаго принужденія со стороны начальства. Земли, принадлежащиа нашему селенію, Деркачамъ, владѣемыя каждымъ домохозяиномъ по старымъ заемкамъ, раздѣлить по ровну на душевые пай по числу душъ мужскаго пола состоящихъ по 9 ревизіи (2729 д.), не касаясь вирочемъ до земель крѣпостныхъ, находящихся въ черезполосномъ владѣніи, владѣемыхъ нѣкоторыми изъ насть домохозяевами по купчимъ крѣпостямъ, совершенныхъ у крѣпостныхъ дѣлъ, по которымъ отрядомъ денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ земли хотя и были измѣрены и показаны въ измѣрительныхъ таблицахъ, но не обложены поземельными сборомъ. Самый же раздѣль земли начать съ наступленія пынѣшней весны: во 1-хъ, раздѣлить поле нынѣшняго года такъ, чтобы каждый домохозяинъ могъ сдѣлать посѣвъ на 1857 г. озимаго хлѣба на душевомъ пай, во 2-хъ, нынѣшнее озимое поле—по окончаніи уборки озимаго хлѣба такъ, чтобы каждый домохозяинъ могъ выдѣленный ему пай успѣть вспахать подъ посѣвъ въ будущемъ 1857 г. яроваго хлѣба и наконецъ въ 3-хъ, яровое поле нынѣшняго года раздѣлить весною въ будущемъ 1857 г., и по сему для уплаты податей и другихъ повинностей по ровну съ каждой ревизской души сдѣлать раскладку съ начала будущаго 1857 г. Въ чёмъ спорить и прекословить между собой и утруждать о томъ высшее начальство не будемъ и дабы согласіе наше было на всегда свято, то мы съ общаго нашего согласія и постановили сей приговоръ въ присутствіи сельскаго старшины, добросовѣстныхъ и общественныхъ поверенныхъ, который просимъ Деркачевское волостное правленіе, по засвидѣтельствованіи, представить на утвержденіе Палаты государственныхъ имуществъ“.

1) Въ Зміевскомъ уѣздѣ намъ пришлось услышать о результатахъ разрушения общинного землевладѣнія у русскихъ слѣдующее: „Наградилъ Боровую аблокать Колышка! На „земли“ порѣзаль: одному, у кого было 2 души, десятинъ 50, да

ческою основою землевладѣнія Слободской Украины, нынѣшней Харьковской губерніи, была главнымъ образомъ *общественная* заимка «на дикой волной степи, лежащей близъ Крымской границы, въ большихъ черныхъ и малопроходныхъ въ то время лѣсахъ и пасѣкахъ», юридическою основою—царская грамота, по жалованная цѣльмъ *полкамъ* или *товарищамъ*. Займанщина индивидуальная или колективная, какъ основа народнаго землевладѣнія слобожанъ, не исключала заимки, какъ способа пользованія общественной землей. Изъ поколѣнія въ поколѣніе не передѣляемыя, «старо-займки» были то способомъ пользованія общественной землей, то видомъ индивидуальной собственности. Займка «оранкою», «хуторомъ» полковой земли, купля-продажа «пайковъ» или «старыхъ заимокъ» общественной земли были въ духѣ «черкасскихъ обыкновостей». Займанщина какъ основа землевладѣнія имѣла въ XVIII в. разныя *формы*: общественную, частную и смѣшанную. И посдѣдня, повидимому, преобладала ²⁾.

лѣсу 20, а другому, который платилъ за сколько душъ, леху отвель. Безземельщиковъ сколько надѣлалъ!.. Какой лѣсь извѣль и общество заложилъ... Мы и къ царю посыпали, и въ судѣ судимся... Обидѣль, страсть обидѣль».

2) Для иллюстраціи формъ народнаго землевладѣнія Слободской Украины, приведемъ изъ имѣющихъся у насъ документовъ XVIII в. нѣкоторыя типическія выдержки.

1. „Оная деревня Леонтьевка (Валковскаго уѣзда) поселеніе свое имѣеть въ мѣсте съ Коломакомъ и *владѣніе землями и лѣсами* было вообще и какая именно часть земли принадлежить къ деревнѣ Леонтьевкѣ узнать не можно потому больше что казенные обыватели и Леонтьевскіе подданные какъ бы *поочередно распаихиваютъ земли и потомъ одинъ другою на захватъ земли пашутъ*“.

2. „Которою землею сл. Козацкой (Богодуховскаго уѣзда) вѣсъ, *раздѣля на пайки*, хотя съ нужно и довольствуются, а безземельныхъ между ними, равно проданныхъ и уступленныхъ (земель) не имѣется“.

3. „Въ оныхъ обывателей показанные земли доставшиеся отъ предковъ ихъ еще въ прошлыхъ давнихъ годѣхъ сначала населенія сл. Бѣлокъ (Ахтырскаго уѣзда) по займкамъ, а потомъ и по покупкамъ другъ отъ друга до запретительнаго въ 736 г. указа... кою они *всѧкъ своими участками владѣть... а безземельныхъ 217 душъ*“.

4. „Сл. Печенегъ (Зміевскаго уѣзда) пользующихся *вообще общественномъ землемѣру* 2751 душа, въ томъ числѣ согласитъ имѣющихъ *свои отдельные земли* 2551 душа, не имѣющихъ вовсѣ въ землѣ никакого участія 461 душа“.

5. „Оный черный лѣсь сл. Асоевки по приговору общества дабы общественою порубкою въ скорѣ истребится не могъ въ 775 году на общество каждой душѣ по одной десятинѣ раздѣленъ“.

6. „Оная земля изстари состоитъ для общественныхъ тарановскихъ (Зміевскаго уѣзда) надобностей къ снятію лѣса... Оные лѣса изстари отдѣлены для общаго обывательского вѣзду къ рубкѣ дровъ и селидобнаго лѣсу“.

Общинное землевладѣніе нашего времени уменьшило чрезвычайную клочковатость прежнихъ «старыхъ заимокъ», расширило площадь воздѣлываемаго поля, ограничило истощеніе почвы, часто ежегодно обрабатывавшейся, вводя обязательный трехпольный правильный съвооборотъ, равномѣрно распредѣлило народную землю среди крестьянъ, подняло общее благосостояніе, уменьшило пьянство, давъ занятіе безземельнымъ и ремесленникамъ, сильно «гулявшимъ» лѣтомъ. Оно объединило крестьянскіе классы, создало общіе интересы. Но оно не въ силахъ бороться съ движениемъ разъединяющаго свойства, поддерживаемымъ и вызываемымъ совокупностью внутреннихъ и внѣшнихъ условій жизни. Это станетъ очевиднымъ изъ общаго обзора его функцій.

По приговору «сходки», вслѣдствіе заявленія отдѣльной семьи, желающей устроиться самостоятельнымъ хозяйствомъ, къ какому бы классу она ни принадлежала,—изъ участковъ общей земли отводится, «наріаецтя» для нея дворовое мѣсто,—«плечъ». Приговоръ выполняется старостой и писаремъ при участіи «громады», хотя бы изъ нѣсколькихъ лицъ. Измѣряемая прежде «кроковкою», циркулеобразнымъ сажнемъ, земля измѣряется теперь цѣпью. Обнесенный «тыномъ» плечъ обращается въ «подвѣрье». Обстроенный «подвирокъ» представляетъ три отгораживаемыя части: «дворъ», «тикъ» и «огородъ». Каждая часть имѣетъ свое назначеніе. Во дворѣ ставится, смотря по зажиточности новаго хозяйства, одинарная хата или «хата-ківната, а чрезъ сини друга хата», комора съ «засиками» и «всыпищами» и проч. На «тикъ» свозится хлѣбъ, гдѣ его молотятъ и вѣютъ. Свезенный хлѣбъ ставится на «пидъ» изъ бревенъ. Такъ какъ молотьба требуетъ гладкаго, твердаго, утолченного мѣста, то, очистивъ небольшое пространство на току, поливаются его водою, посыпають ржаной половой и выравниваютъ, т. е. убиваютъ «толокомъ», дугообразнымъ полѣномъ съ ручкой. Огородъ раздѣляется на «плеса», «грядки» и «капустники». Если огородъ находится на высокомъ, сухомъ мѣстѣ, то капустники нарѣзаются отдѣльно въ низкихъ, мокрыхъ мѣстахъ. Для капустниковъ, если окажется необходимъ, раздѣляютъ и «сагу», болотистое мѣсто, заросшее камышемъ и осокою. Въ такомъ случаѣ каждый, прокапывая межи, унаваживая, самъ осушаетъ свое мѣсто. На низкихъ мѣстахъ нарѣзаются еще необходимые въ хозяйствѣ конопляники, «пидметы». «Плесо» въ огородѣ—это широкое, продолговатое мѣсто, «грядка»—узкое, длинное, высокое. Грядки накладываются

землей и унаваживаются обыкновенно «товарячимъ» навозомъ. Отдѣляются онъ «межами». На нихъ сажаютъ капусту, цыбулю, чеснокъ; на плесахъ—огурцы, бураки, картошку. Плеса обсаживаются пшеничкой гарбузами ¹⁾.

За усадьбою слѣдуетъ выгонъ. Требуется нейтральное мѣсто, гдѣ можно было бы стать возомъ, поставить «вітряки», привязать свинью, коня, попасть скотъ на время. «Выгинъ» не настоящее пастбище, а мѣсто, куда можно выгнать скотину на короткое время, такъ какъ, выгнавъ ее на отдаленное пастбище, хозяинъ лишается услугъ рабочей силы на продолжительное время. Богатые мужики имѣютъ иногда еще частные, обыкновенно огороживаемые «пастивники». Смотря по расположению угодій, бываетъ одинъ выгонъ, если поле лежитъ по одну сторону селенія, и два, если селеніе стоитъ въ центрѣ угодій. Гдѣ паровое поле, на той сторонѣ и выгонъ, перемѣщается «толока», перемѣщается и выгонъ, а прежній обращается въ поле, «збій», особенно цѣннымъ крестьянами. Если нѣть свободного мѣста для выгона, часть кустарника отводится подъ попасъ, обращается въ «вильне». Но настоящее пастбище—это паровое поле, «толока», на которой постоянно толчется скотъ. Кромѣ того, скотъ пасутъ еще на «стерняхъ», скошенномъ полѣ, на отавахъ, пускаютъ на «луки» въ началѣ весны, на осеннюю «зеленю», поросью озимаго хлѣба. Скотъ заставляетъ утилизировать и раздѣленную, частнымъ трудомъ уже обработанную землю по принципу общаго вольнаго пользованія ²⁾.

Для своего существованія крестьянинъ нуждается въ землѣ: «пастбище для скота, для мужыка поле». Община гарантируетъ

1) „Огородъ—бабинъ доходъ“,—это арена ея личныхъ заботъ и трудовъ. „То не хозяйка, шо овоющъ покупае, а то хозяйка, шо продае“. „Огородъ для семьи пидомога“: „въ огороді літомъ покопається, то й зимою въ овощахъ не понуждається“. Говорять: „якъ лишній разъ похолемъ, то лишній рать и за овощами сходемъ“, упрекая нерадивую хозяйку: „занела бурыль вовкамъ плодитъся“.

2) Рогатая скотина „благословена“: „и робить, и на харчъ иде“; свинья „огнемъ благословитця“: „не присмоливъ, йісті нейзя“; лошадь „хоть яке дорогое мясо, а все таки собаче“. Волы, конь—„тягло“, корова, свинья, „вивця“—„пидомога“. „Горе безъ своего тягла, безъ скотыни якъ безъ рукъ“, „якъ будутъ коровки, то будутъ и бычки,—не голодни й діточки“, „десятокъ овечокъ—въ хозяйстві свитка й кожушокъ“, „якъ своя свинка—свое сальце“: „добра година якъ водитця во двори скотына“. А между тѣмъ скотина „Божья роса“: „якъ солнце гляне—ничего не стане, якъ Богъ захоче уся скотына вразъ пропаде“.

ему это поле. Въ полѣ обыкновенно три поля въ трехъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ «рукахъ»: — «толока», «щарина» и «ярина». Въ каждой «рукѣ» бываетъ по очереди всѣ три поля. Поднятая «толока», но еще не засѣянная, даетъ «ріллю», осенне всходы ржи и иногда засѣваемой пшеницы — «зеленя», тѣ же всходы лѣтомъ — «щарина»; снятая «щарина» оставляетъ «стерню», съ-ораная «на зябь» стерня эта засѣвается яровымъ хлѣбомъ, всходы яровыхъ хлѣбовъ, ячменя, овса и проч. даютъ «ярину», а стерня яроваго хлѣба снова обращается въ «толоку». Отдѣльныя «руки» бываютъ порѣзаны на «гоны», «клины», «стежки». Форма опредѣляетъ название. «Гоны» — ровныя широкія полосы обыкновенно разной длины, «клины» — трехугольная площадь, а «стежка», дорожка, — продлиноватая неправильная полоска земли около лѣса, яра и проч. Эти части «руки» отдѣляются «зворотами» и нарѣзываются при передѣлѣ на душевые «пайки», отдѣляемые «обмижками».

Назначеніе полосы обусловливаетъ ея название и опредѣляетъ величину. «Обмижекъ» — узкая полоса земли, обращаемая въ настоящее время просто въ межевую борозду, «звороты» — полоса, по которой можно проѣхать возомъ до пайка и завернуть плугомъ при оранѣ. Орутъ двоякимъ способомъ: въ «розгинъ» и въ «складъ». Въ первомъ случаѣ начинаютъ съ межи своего пайка, проходятъ бороздою вдоль «обмижка», заворачиваютъ на «зворотахъ» и проходятъ другою бороздою вдоль другой границы, затѣмъ заворачиваютъ на другихъ «зворотахъ» и проводятъ третью борозду около первой. Такъ, «обходя гоны», доходятъ до середины пайка. Работая «въ складъ», начинаютъ съ середины пайка и постепенно доходятъ до границъ его. При «розгинѣ» земля разваливается и по серединѣ пайка оказывается открытая борозда, которую нечѣмъ бываетъ заложить, при «складѣ» земля складывается, такъ что борозды посерединѣ не бываетъ¹⁾). Такъ какъ на яровыхъ стерняхъ земля мягкая, то на нихъ, преимущественно на «просыщахъ», на «гречкivкахъ», сѣютъ рожь

¹⁾ Работая, слѣдить, чтобы не надѣлать „огрихивъ“, не оставить не подрѣзаной земли. Црежде орали украинцы плугомъ, теперь многіе уже пашутъ сошками, а прежній „плугъ воливъ“, три пары быковъ, замѣняются лошадью. Время работы измѣряется разстояніемъ. Дѣлая въ день опредѣленное число бороздъ, говорятъ — столько-то разъ „обійшовъ кругомъ гоны“. Опредѣляется время и „опругомъ“. Говорятъ: „поорався опругъ, покосився два-три опруга“ и т. п. День имѣть четыре „опруга“: одинъ до „снданья“, другой „до обіда“, третій до „полудня“, четвертый до „вечери“; осенне короткіе дни имѣютъ три „опруга“.

нерѣдко «наволокомъ», т. е. не пашутъ вновь землю, а лишь ралятъ ее, хотя и говорятъ: «насіявъ, каже, наволокомъ и вродило якъ нарокомъ». Богатые мужики обыкновенно заставаютъ большія пространства, цѣлые «ланы» одного какого-нибудь хлѣба.

Общественная земля въ разныхъ мѣстахъ бываетъ неодинакового качества и лежить на разномъ разстояніи отъ усадьбы. Желая уравнять интересы сочленовъ, предпринимаютъ передѣлы полей. Чѣмъ больше различія въ достоинствѣ отдѣльныхъ частей земли, тѣмъ напряженіе оказывается стремленіе передѣлять ихъ чаще и на большее число клочковъ дробить надѣль. Передъ «поділомъ» пишутъ иногда «трактатъ на раздѣль земли» и «маршрутъ» этого раздѣла съ обозначеніемъ исходного пункта и постепенного чередованія отдѣльныхъ мѣстъ по урочищамъ. Въ «трактатѣ» обозначается решеніе сходки о передѣлѣ на ревизскія или наличныя души, о выдаѣтъ отдѣльной части на «сторонняя души» членовъ, проживающихъ въ данной общинѣ, хуторянамъ и проч. Здѣсь же обозначаются результаты «жеребьевки», такъ какъ изъ каждого «десятка», на которые раздѣляется поселеніе, кто нибудь беретъ жребій съ обозначеніемъ номера для опредѣленія порядка, въ какомъ должны чередоваться эти «десяткі» при передѣлѣ. «Подільщики» отмѣряютъ «пайки» разной величины, смотря по количеству надѣловъ у каждого, имѣя въ виду десятницкіе списки, гдѣ обозначены домохозяева десятковъ и «души» каждого хозяина.

Въ эксплуатациіи лѣса замѣчается большое разнообразіе. Въ нераздѣльномъ лѣсѣ фруктами пользуются по принципу захвата. Въ назначенный день всѣ выходятъ въ лѣсъ и сколько отдѣльная семья отрясетъ деревьевъ или оберетъ ихъ, столько и пользуется. Въ лѣсѣ, раздѣленномъ между крестьянами на участки, срываніе орѣховъ, какъ роскоши, иногда дозволяется въ чужомъ участкѣ; собираю же кислицы (дикихъ яблокъ), идущихъ на варево, строго воспрещается. Вырубить дерево на «надобокъ» у кого бы то ни было, преступленіемъ не считается. Нераздѣленный лѣсъ эксплуатируется «засікой». Ежегодно отводимая «ділянка» раздѣляется, смотря по роду и состоянію лѣса, пайками, возами, отдѣльными штуками на дворы, ревизскія души или на работниковъ и вырубливается каждымъ домохозяиномъ отдельно, а иногда цѣлой «громадой». Общественный лѣсъ, въ видахъ его сохраненія, дѣлится иногда на участки для постояннаго пользованія каждымъ домохозяиномъ отдельно съ преслѣдованіемъ лишь

корчеванія. Стремленіе къ участковому пользованію лѣсомъ усиливается и фактически осуществляется, не смотря на существующее запрещеніе. Оно обусловливается убѣжденіемъ, что «землю нельзя уничтожить, а лѣсъ легко извѣсти» по желанію воротилъ общества.

Сѣнокосъ передѣляется на души обыкновенно ежегодно, иногда чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ каждый пользуется своимъ «пайкомъ»; или нарѣзаются постоянные «пайки», а домохозяева только чередуются пользованіемъ ихъ. Иногда сѣно косится всей «громадой» и затѣмъ раздѣляется уже копицами.

Земля, выходящая за черту удобнаго пользованія для главнаго поселенія, дѣлится на участки между хуторянами, входящими въ общину, или обращается въ «заполье», т. е. выдѣляется изъ общаго сѣвооборота. Скоту неудобно заходить далеко,—«заполье» не бываетъ пастьбищемъ: не сбиваясь скотомъ, оно не бываетъ «толокой» и обрабатывается ежегодно. Чѣмъ ближе поле, тѣмъ напряженіе сказывается забота «уравнить» его частными передѣлами; чѣмъ дальше оно, тѣмъ эта забота слабѣе. Удаленное отъ жилья «заполье» раздѣляется на душевые, рѣдко передѣляемые участки. Въ общинахъ, где оно существуетъ, оно составляетъ четвертую «руку». Здѣсь обыкновенно сѣется рожь и гречиха, вытѣсняемая другими хлѣбами изъ черты правильного трехпольного сѣвооборота, заводятся «облоги», т. е. переставая обрабатывать землю, позволяютъ ей твердѣть, «облягать», и заростать травою. Здѣсь же встretяются и не скашиваемыя пространства сорныхъ травъ.

Изъ общаго обзора функции общиннаго землевладѣнія становится очевиднымъ, что оно стремится болѣе или менѣе равномѣрно распределить между крестьянами основные источники удовлетворенія насущныхъ потребностей народа. Но нельзя требовать отъ общиннаго землевладѣнія того, чего оно по своему характеру дать не можетъ. Подъ вліяніемъ разныхъ факторовъ масса крестьянъ до того ослабѣла, что не въ силахъ пользоваться представленнымъ ей правомъ на землю и цѣлые слои окрѣпли и выдѣлились изъ общей массы и, кромѣ общественного надѣла, имѣютъ свои частныя старозаимочныя и крѣпостныя земли. Стараясь удовлетворить насущныя потребности народа, общинное землевладѣніе представляетъ полный просторъ для дѣятельности самыхъ разнообразныхъ факторовъ жизни.